

Речь Бобового короля
юрист-ассессора Клауса М. фон Койслера,
прочитанная им в Кёнигсберге / Калининграде
22 апреля 2013 года

***Русская оккупация Восточной Пруссии (1758-1762):
... и что делает Кант?***

С большой радостью я выступаю сегодня перед Вами.

Меня очень трогает, что я могу обратиться к Вам как Бобовый Король в Кёнигсберге, моём родном городе. Там, где находится сегодня Центральный городской суд Калининграда, на улице А. Невского, дом номер 29 (в те времена Кранцер Аллея, 29) я провёл счастливое детство.

Связи моих предков с Россией были разнообразны.

Когда в 1907 году город Санкт-Петербург принял в эксплуатацию первый электрический трамвай на Невском проспекте, там поблизости родился мой отец. Он ходил там несколько лет в школу.

Его отец (мой дедушка) переехал в Санкт-Петербург уже с 1886 году. Он в течение 28 лет преподавал как старший преподаватель в школе Св. Петра и в школе Св. Анны. В это время он женился на одной из своих учениц – она стала моей бабушкой.

Это происходило примерно через 150 лет после первого занятия Восточной Пруссии русскими!

22 января 1758 года

В этот день, 21 января 1758 года, была ужасная стужа. Отряд из троих высокопоставленных лиц города Кёнигсберга, закутанных в мехах и на санях, отправляется к замку в Каймене (сегодня Заречье), недалеко от районного центра Лабау. Делегация Кёнигсбергского магистрата во главе с бургомистром Хиндерзином уполномочена вести переговоры с главнокомандующим Российских Императорских войск генералом Вильгельмом фон Фермором (1702 - 1771), захватившим Мемель, о капитуляции провинции Пруссия без боя.

Было очевидно, что больше невозможно остановить недавнее продвижение царских подразделений под командованием фельдмаршала Степана Ф. Апраксина (1702 – 1758) с его почти 60000 солдатами. Прусский король Фридрих II (1712 - 1786) был обескровлен в финансовом и военном отношении в Силезии и Саксонии. Из-за трудностей транспортного сообщения отдалённая Восточная Пруссия была предоставлена сама себе – доехать сюда было затруднительно, и требовалось много времени на поездки. Ко-

роль Пруссии и без того был лишь пренебрежительного мнения о столице провинции Кёнигсберге, которое он не скрывал ещё будучи наследным принцем:

«Безделье и скука, если я не ошибаюсь, это – боги-хранители Кёнигсберга, ибо люди, которых здесь видишь, и воздух, которым здесь дышат, ничего другого не навевают!»

Перед лицом приближающегося врага уже в конце 1757 года официальные документы и архивы, королевские кассы, церковное серебро, а также фонды Королевской библиотеки были перевезены из Кёнигсберга в Кюстрин. Срочно созданный вооружённый отряд горожан, состоявший кроме всего прочего, из мясников, подмастерьев, пивоваров и извозчиков, вооружённых мушкетами, но также и косами, вилами и рогатинами, должен был, в крайнем случае, поддерживать восемь рот Кёнигсбергского полка.

14 января 1758 года прусская армия покидает город в направлении Померании. Боеприпасы и оружие, а также съестные припасы, которые нельзя было взять с собой, были затоплены в Прегеле. Высокопоставленные правительственные чиновники, среди них самых важные чины из министерства бюджета (так называлось тогда министерство финансов), убегают вместе с многочисленными жителями в Данциг и Эльбинг.

Во время переговоров о капитуляции 21 января делегаты Кёнигсберга с мужеством обречённых ставят несколько условий по сохранению существующих прав и привилегий. Позднее это будет русской стороной названо *«дерзостью»*. Генерал фон Фермор, российский немец со светскими манерами, оказывается уважительным партнёром по переговорам. Однако он безапелляционно желает, кроме всего прочего – из тщеславия? из благочестия? – чтобы в Кёнигсберге его встречали колокольным звоном.

Всё таким образом и происходит.

22 января, это было воскресенье, в 7 часов утра первые передовые отряды вступают верхом и пешим порядком в Кёнигсберг: казаки, гренадёры и *«другие народы»*. В полдень Кёнигсбергская военная палата, придворный суд, магистрат, коллегии и университет собираются у замка. Гильдии и цеха образуют шпалеру перед городским замком. Звонят все церковные колокола. С замковой башни слышны фанфары и трубы. Генерал фон Фермор роскошно одет как князь в красном отороченном золотом меховом одеянии, с синей лентой и орденом Белого орла, около 3 часов пополудни торжественно занимает королевские палаты. Почти слепой прусский фельдмаршал фон Левальд спешно их освободил. Прусские представители органов власти, возглавляемые оставшимся президентом министерства бюджета, а также делегации дворянства и горожан передают фон Фермору ключи от города. В своём первом обращении генерал фон Фермор, длинный худой мужчина с бледным покрытым оспинками лицом, заверяет собравшихся горожан:

«Вы можете поздравить себя, что Её Величество императрица взяла город под свою защиту. Если Вы поведёте себя достойно, то можете быть уверены, что с Вами не произойдёт ничего худого.»

Двумя днями позднее – с русской стороны осознанно (по причинам унижения?) был выбран день рождения Фридриха II – высшие органы власти провинции и магистрата, а также представители дворянства и горожан должны были сначала принять присягу на верность *Его величеству царице Елизавете Петровне, императрице и властительнице всея Руси*. На следующий день, это было 25-го января 1758 года, в замковую церковь были созваны профессора и магистры, а также остальные служащие университета. Придворный проповедник доктор Д. Х. Арнольд (1706 - 1775) зачитывает собравшимся перед алтарём, в присутствии российского генерала Нотхельфера, текст присяги на верность. Все профессора, а затем и остальная *коллегия* должны были вслед за тем, подняв три пальца и с торжественным обещанием *«да поможет Бог моему телу и душе»* дать клятву и написать *«один за другим свои фамилии на листе бумаги»*.

И что делает Кант?

Кант – молодой *magister legens* (приват-доцент)

В тот день 25 января Кант, ему было тогда 33 года, так же, как и его коллеги-профессоры, подписывает представленный ему формуляр приведения к присяге.

Он на тот момент относился к преподавательскому составу Философского факультета Альбертины. 12 мая 1755 года он получил учёную степень магистра философии, защитив свою диссертацию *„De igne“* (Об огне).

Несколько месяцев спустя он получил благодаря ещё нескольким трудам право преподавания (*venia legendi*) и выполнил, наконец, предписанные королём Пруссии научные предпосылки – три общественные диспутации – для получения дополнительной должности ординарного профессора.

Начиная с зимнего семестра в 1755/56 г.г. Кант преподавал в качестве *magister legens* (приват-доцента) логику, математику, физику, метафизику и этику. Наряду с этим он прилагал усилия стать профессором в своём родном университете. Он подчеркнул эту цель убеждёнными словами:

«Я уже наметил свой путь, которого хочу придерживаться. Я начну своё движение и ничто не должно мне помешать его продолжить.»

После всего одного семестра преподавательской деятельности он в апреле 1756 года подал заявление Фридриху II – как *«верноподданный слуга Ев. Королевского Величества»* – о занятии давно уже пустующей должности экстраординарного профессора логики и метафизики своего, пожалуй, самого важного университетского преподавателя, профессора М. Кнутцена (1713 - 1751). Однако прусский король не был готов предоставить средства для вакантного профессорского места, он нуждался в деньгах для своих военных амбиций.

Солдаты были важнее, чем метафизики!

С самого начала ему сопутствовал большой интерес со стороны студенчества. По воспоминаниям его ученика и биографа Л. Е. Боровски (1740 - 1832) на первой лекции

Канта «присутствовала почти невероятная масса студентов» – это были от 18 до 20 студентов, преимущественно теологи, в том числе его брат Иоганн Генрих и 7 силезцев! Круг студентов был пёстрым. Пруссаки и иностранцы, прежде всего, курляндцы, русские и поляки, сидели у его ног на корточках в течение этих лет. Лекции Канта, в среднем не менее 16 часов в неделю, были часто трудны и претенциозны, но отнюдь не были педантичным заучиванием, как тогда было принято, представленных кратких курсов других философских и теологических теорий. Вновь и вновь он предостерегал своих студентов от голого «попугайничания», снова и снова он наказывал им: *Думайте сами, исследуйте сами, стойте на собственных ногах!*

Русские в Кёнигсберге

Существенной основой для начинающегося почти пятилетнего периода русской оккупации (1758 - 1762) стал императорский Указ от 19 февраля 1758 года. Согласно ему за городом Кёнигсбергом должны были сохраниться его *«привилегии, свободы, права и прерогативы»*.

Частная собственность оставалась неприкосновенной, свобода вероисповедания и проведение открытых богослужений разрешались без существенных ограничений. Правительственные чиновники и административные служащие оставались при тех же жалованьях на своих должностях, за исключением высокопоставленных служащих в министерстве бюджета. На ключевых позициях в сфере управления назначались русские надзорные чиновники, которые в большинстве случаев не вмешивались в происходящее, некоторые из них с неплохим знанием немецкого языка. Никого не принуждали поступать на русскую службу. Гарантировалась свобода внутренней и внешней торговли – при твёрдой гарантии защиты со стороны императорского флота – так же как и почтовый обмен, и свобода передвижения на восток и запад.

Повсеместно в тех местах, где раньше прусский орёл присутствовал как явный символ суверенной власти, он заменялся императорским двуглавым орлом. Несколько органов власти пытались выйти из ситуации путём превращения слова «королевский» в «Кёнигсбергский». Были введены русские праздничные дни, в количестве тринадцати, и отмечать их следовало пышно. Царица и «высочайший дом Романовых» должны были упоминаться в воскресной молитве. С помощью кёнигсбергского монетного двора чеканились монеты, на лицевой стороне которых изображался образ царицы, двуглавого орла или выбитые буквы Е.П. (Елизавета Петровна).

Конечно, занятая провинция вынуждена была нести нагрузку дополнительных, отчасти существенных контрибуций, из которых один только Кёнигсберг должен был уплачивать треть. Тем не менее, когда нагрузка в одно прекрасное время выросла, в Санкт-Петербург послали делегацию – и там удалось договориться. Царица, хотя и непримиримая противница Фридриха II, хотела постепенно завоевать сердца жителей захваченного края, дабы

«навсегда могли сохраниться воспоминания о нашем великодушии и мягкости».

Академия (университет Альбертина) с самого начала удостоилась благосклонного обращения со стороны русских.

Обучающие и учащиеся могли далее пользоваться без ограничений всеми своими свободами и преимуществами. Студенты могли продолжать свою учёбу и сохранили свои академические привилегии, например, освобождение от военной службы. И что особенно важно: сохранялись доходы университета. Однако, было упразднено прежнее право цензуры со стороны профессоров философии. До сих пор цензура была делом соответствующего ректора и декана философского факультета. Она представляла собой некий акт академической дисциплинарной власти, так как типографы и книготорговцы были подчинены юрисдикции университета. Поэтому после того, как фон Фермор захотел взять в свои руки цензуру прессы, сенат забрал свои прежние права обратно – не преминув отметить также опасность потери дополнительных доходов (за счёт пошлин). Тем не менее, Фермор предоставил университету право цензуры только научных работ.

В противоположность этому юридический факультет университета значительно укрепил свои позиции: он был определён Высшей кассационной палатой в Пруссии для апелляций отклонённых Тайным верховным трибуналом в Берлине.

*

Присутствие русских в Кёнигсберге в значительной степени способствовало тому, что изменились образ жизни, культурный климат и общественные отношения в этом «старомодном городе», находившимся под влиянием строгого пиетизма.

Для этого имелись несколько причин:

Русские давали населению города много денег. Торговцы, ремесленники и поставщики зерна для русской армии прилично разбогатели – прежде всего, купец и меценат Сатургус (1697 - 1754). Для ремонта прогнивших крепостных сооружений и углубление обмелевшего фарватера в Пиллау использовали местных специалистов. Для этого губернатор Фермор предоставил сумму в размере одной тысячи рублей. Процветала подпольная торговля запрещёнными до сих пор товарами (спиртными напитками, в частности, водкой) и неплохое жалованье офицеров текло в карманы кёнигсбержцев.

В деле переустройства образа жизни тон задавали, в первую очередь, губернаторы провинции, владевшие немецким языком, генерал фон Фермор по март 1758 г. и, начиная с июля 1758 г., прибалтийский немец генерал Николаус барон фон Корф. Среди населения они были довольно популярны ввиду их порядочности, они и их офицеры, но также и русские дворяне в городе не заботились о сословных предрассудках и условностях, и показывали пример возвышенных манер и обхождения в обществе.

«Большинство их искало и знало наслаждения общественного времяпрепровождения только в волнующей смене радостей роскошного застолья, молодое поколение в шумных волнах танцевального зала и игре фривольной любезности. Для дам высокого положения этот переворот стал своего рода эмансипацией, избавлением от почти монастырского воспитания...»

Французская кухня и стиль как в Парижских салонах радовал гостей в домах богатых и красивых. Строгие обычаи ослабли. Всё больше распространялось питье пунша и чая. Русская роскошь и *Libertinage* прогоняли прусскую скупость и серьёзность пиетистов.

«Кёнигсберг был занимательным местом и та либеральность, с которой тогдашние властители допускали в круг своих друзей всех, кто был красив и благовоспитан или считал себя таковым, приводила к тому, что прекрасный пол особенно интересовался ими. На балах, которые губернатор всегда давал за свой счёт, дамы не приглашались на танец в грубоватом франконском стиле, а приглашались галантными, расторопными, хорошо выглядящими адъютантами...»

Это было уже примечательно: В то время как дочерям позволяли танцевать в Кёнигсберге с русскими офицерами, в другом месте посылали сыновей против русских в поле!

Университет волей-неволей также участвовал в общественной жизни – в большинстве случаев по случаю русских государственных праздников, например, в годовщину восхождения императрицы на престол – проводя собственные торжественные мероприятия в актовом зале. Пространные речи в стихах и прозе соревновались друг с другом. Хвалебные речи профессоров Й. Г. Бокка (1698 - 1762) и М. Ф. Уотсона отличались попросту раболепным «подхалимством». На этих празднествах губернаторы регулярно появлялись собственноручно – с несколькими офицерами в свите, вероятно, чтобы на виду у немецкого населения подчеркнуть своё уважение научного образования. Посещение академических торжественных актов стало для аристократических дам прямо-таки данью моде.

Определённый поворот наступил тогда, когда губернатором стал генерал В. И. Суворов. Он прослыл скупцом, и лишь время от времени давал балы для обеих своих дочерей. Шумные праздники, как при его предшественнике Корфе, постепенно прекратились.

Однако, не смотря ни на что, Кёнигсберг оставался предельно заманчивой промежуточной целью для каждого путешественника на пути из Берлина в Санкт-Петербург и обратно.

И что делает Кант?

Кант – с одной стороны и с другой стороны

Распорядок дня Канта делился в какой-то степени на две половины. Утро и первая половина дня были посвящены научной работе и академическим занятиям. Во второй половине дня и вечером он принимал участие в общественной жизни Кёнигсберга в кругу близких друзей и знакомых.

*

В летние семестры с конца апреля до середины сентября и в зимние семестры с середины октября до конца марта Кант регулярно читал свои лекции со свойственной ему пунктуальностью и дисциплиной, с той своей *«силой делать то, что считаешь правильным»*. Ввиду многочисленных лекций – доходило до 24 часов в неделю – его рабо-

чая нагрузка была чрезмерна. Своё отношение к неизменно «*похожим одна на другую лекциям*» Кант описал в письме (1759 год) своему другу Й. Г. Линднеру (1729 - 1776), ректору школы при Рижском кафедральном соборе, стеною со словами, что он ежедневно обрабатывает своё творение – словно кузнец – равномерными тяжёлыми ударами молота по наковальне.

Особенностью университетских традиций в Кёнигсберге 18-ого столетия было то, что в напечатанном на латинском языке «перечне лекций» (*catalogus lectionis*) сообщалось лишь о занятиях профессоров. В противоположность этому, приват-доценты должны были привлекать внимание к своим лекциям и упражнениям, выбор которых был в значительной степени предоставлен им самим, размещая сообщения на «доске объявлений». Наряду с этим им дозволялось публично обращать внимание посредством так называемых «программных посланий» на содержание и вид лекций, чтобы пробудить интерес студентов. Кант относительно часто выбирал этот путь.

От университета Кант не получал никакой зарплаты, а зависел от сборов, которые он получал от студентов, слушавших его лекций. Позднее ординарный профессор философии К. Й. Краус (1753 - 1807) трезво констатирует финансовое положение преподавателей:

«Каждый посвятивший себя Кёнигсбергскому университету даёт обет бедности!»

С приходом русских у Канта появились дополнительные доходы. Стремящиеся развивать образование губернаторы Фермор и Корф посылали своих офицеров по приказу на лекции Канта и таким образом улучшали финансовое положение молодого магистра.

Также Кант давал частные уроки российским офицерам, в особенности тем из них, кто были российскими немцами, по математике, физической географии, а также по фортификации, *Architectura militaris* и пиротехнике – это была побочная деятельность, которая, как признавал сам Кант, хорошо оплачивалась. Будучи популярным и всё более известным доцентом, он постепенно достиг того дохода, который позволял ему вести соответствующий его социальному положению образ жизни. Очевидно в это время (1761 год) Кант смог нанять своего первого и многолетнего слугу, отставного солдата Мартина Лампе (1734 - 1806) из Вюрцбурга.

*

Кант охотно ходил после окончания своих лекций в кафе, например, в «*Gerlach, заведение с бильярдом на острове Кнайпхоф, поблизости от его квартиры*», чтобы выпить чашку чая, побеседовать о событиях дня или поиграть в бильярд, свою любимую игру, после которой он «редко уходил домой без выигрыша». Он любил хорошую еду и питьё (однако, никогда не пил пива!), так что даже Т. Г. Гиппель (1741 - 1796), ставший позднее бургомистром Кёнигсберга, однажды его поддразнил, сказав, что он, Кант, пожалуй, ещё напишет *Критику кулинарного искусства*.

Как человек мира он принимал участие в весёлых вечеринках в частных домах, в официальных застольях или в офицерских казино – вопреки его принципиальной антипатии ко всему военному. Иначе, чем в прошлые времена, интеллектуальная элита универси-

тета во время русской оккупации также приглашалась на официальные приёмы и праздники – это та честь, которой не удостаивались профессора того времени со стороны прусских военных чинов!

Бывало, вечерами Кант проводил время за карточной игрой L'Homme. Он считал эту сложную и трудную игру втроём, в правилах которой надлежало взаимно «торговаться», рациональным упражнением не только для интеллекта, но и самообладания. Кант впоследствии отказался от этих игр, когда познакомился с англичанином Дж. Грином (1726 - 1786), который стал близким знакомым Канта.

На общественных раутах Кант блистал подкупающим интеллектом и мудрым юмором. Своему внешнему виду он придавал большое значение. В это время он стал тем «элегантным магистром», каковым его позднее зачастую называли.

«Модный глупец лучше, чем глупец, одетый не по моде», любил он говаривать.

Как пишет его второй биограф Р. Б. Яхманн (1767 - 1834), он носил маленькую треугольную шляпу, светловолосый, бело-напудренный парик с мешочком для волос¹; чёрный галстук и верхнюю сорочку с жабо и манжетами; сюртук с шёлковой подкладкой, с тонким, обычно мелированным чёрным, коричневым и жёлтым цветом платком. Его ботинки были украшены серебряными пряжками. По особенным поводам Кант носил также кавалерскую шпагу, «надоедливое и весьма ненужное приложение», которую он позднее, когда это перестало быть модным, оставил и заменил маленькой тростниковой тростью.

Кант совсем скоро стал желанным и часто приглашаемым гостем в домах, где общалось светское общество. В салоне высокообразованной графини Шарлотты Амалии Кайзерлинг (1729 - 1791), являвшейся «украшением слабого пола», которая нарисовала также первый из всех портретов Канта, он регулярно получал почётное место. Так же с Кантом флиртвала прекрасная и любимая в Кёнигсберге Мария Шарлотта Якоби (1739 - 1795): 23-летняя красавица, называемая в городе «принцессой», обещала ему сделанной лично для него темляк и переслала ему, «большому философу», в письме от 1762 года «поцелуй симпатии из переулка Кнайпхофер Ланггассе в Магистерский переулок». У многих современников вновь и вновь вызвало удивление то, с какой уверенностью и естественностью вёл себя сын пиетиста-ремесленника в кругу коммерсантов, дворянства и офицерского корпуса. Это поведение основывалось, очевидно, на независимости его личности, приобретённой ещё в юности, и внутренней свободе философского духа.

*

Не является ли эта востребованность причиной того, что Кант выпустил только три публикации в годы незадолго до и во время русской оккупации? Был ли он *«вырван вихрем общественных развлечений»?* – как утверждал Й. Г. Гаман (1730 - 1788), бывший

¹ Мешочек для волос (Haarbeutel) — использовался для мужской причёски. Длинные волосы (собственные или парик) вкладываются в длинный мешочек из тафты, украшенный лентой или розеткой. Мешочек предохранял одежду от пудры в причёске и был удобнее, чем длинные распущенные волосы. – прим. переводчика

также одним из великих представителей немецкой гуманитарной науки? Нуждался ли молодой Кант в интеллектуальной передышке?

Господствующая философия того времени исходила из теорий Готфрида Вильгельма Лейбница (1646 - 1716) и Христиана Вольфа (1679 - 1754) как ключевых представителей раннего Просвещения в Германии.

Ортодоксальные и пиеетистические противники Вольфа боролись с ним, в том числе в пределах прусского государства, как с религиозным врагом и детерминистом. Он разработал, в том числе, систему рационализма как философскую школу. Философия была для него

«наукой обо всём, что возможно, так что все вещи должны сделаться предметом философии, какими бы они ни были, существуют ли они или нет».

Характерным для его учения было заявление, что он хотел бы сделать всю философию «достоверной» и «полезной» наукой, в частности, посредством чётких понятий и основательных доказательств. Он обновил космологическое и онтологическое доказательство существования Бога и отстаивал независимое от христианского Откровения обоснование морали. Ученики Вольфа, так называемые «вольфианцы», действовали большей частью, сильно популяризуя науку, и заняли в 18-м веке почти все философские кафедры в Германии.

В противоположность этому Христиан Август Крузиус (1715 - 1775), с 1744 года экстраординарный профессор философии в Лейпциге, принадлежал к другому лагерю. Он стал одним из самых влиятельных и самых ярких противников школы Лейбница-Вольфа. Вопреки ей, он защищал единство положительного Откровения и разума. Он отрицал онтологическое доказательство существования Бога.

Ещё ранние умственные интенции Канта были направлены на связь метафизики, геометрии и естествознания. Прежде всего, его интересовала география, которую он позднее обосновал как предмет академического изучения.

*

В отношении летнего семестра 1758 года Кант сообщал о намерении разрабатывать преимущественно естественно-философскую тему, которую он опубликовывал в программном сочинении:

«Новое учебное понятие движения и спокойствия, и связанного с этим вывода в первых основах естествознания».

Для естественнонаучной системы мира Канта были значимы, в том числе, предположение о существовании галактик вне системы Млечного Пути, а также идея замедления вращения Земли за счёт приливной волны. Исходя из идей Декарта (1596 - 1650) и Галилея (1564 - 1642) Кант разработал учение относительности движения и спокойствия.

В своём сочинении, которое привлекло большое внимание тотчас же при первом появлении, Кант размышлял над взаимными связями между двумя сталкивающимися телами с точки зрения движения, спокойствия, массы, скорости и времени.

Он брал как исходный пример шар, который находится на корабле на Прегеле в состоянии «спокойствия» на столе. Корабль медленно приходит в движение «с восхода к закату» вниз по течению, в то время как Земля вращается «с гораздо большей скоростью с заката на восход».

Кант:

«И тут у меня начинает кружиться голова, я больше не знаю, покоится ли мой шар или двигается, куда и с какой скоростью».

Ни одно тело, по отношению к которому передвигается другое тело, не может рассматриваться согласно Канту, как находящееся в абсолютном покое. Отсюда Кант – вопреки теории Лейбница – определил законы ударных воздействий и сделал вывод, что нет никакой особенной силы инертности и абсолютного понятия пространства.

Позже это программное сочинение объявят *«интересным симптомом»*, так как Кант обратился уже здесь к нескольким основным мыслям своего более позднего знаменательного труда *Метафизические основы естествознания* (1786 г.).

*

Кант никогда не терял из виду собственные академические цели. 14 декабря 1758 года Кант просил у

Августейшей Могуущественнейшей Императрицы Самодержицы всея Руси Великая Императрицы и великой дамы

о вакантном месте умершего Иоганна Давида Кипке (1692 - 1758), с 1727 ординарного профессора логики и метафизики. Заключительная формулировка его прошения, вероятно, далась свободомыслящему магистру нелегко:

«Замираю в глубочайшем подобострастии перед Его Императорском Величеством, Ваш верноподданный слуга Иммануил Кант».

К этому заявлению его, должно быть, побудил и поддержал старый директор гимназии *Collegium Fridericianum* Ф. А. Шульц (1692 - 1763), строго пиетистический теолог – не преминув до этого справиться у Канта:

«Трепещете ли Вы и перед Богом от всего сердца?»

Прошение оказалось вместе с другими подобными заявлениями на столе генерал-губернатора барона фон Корфа – сама императрица Елизавета заявление никогда не увидела. По взаимному согласию с сенатом университета Корф принял решение в пользу Й. Ф. Букка (1722 - 1786) – отчасти по причине старшинства, частично по причине

профессиональной пригодности. Букк в 1758 году имел среди преподавательского состава Кёнигсбергского университета и за его пределами, без сомнения, более значительную научную репутацию как академический преподаватель, чем существенно более молодой, но прогрессирующий магистр Кант.

Как реагирует Кант?

Это описывает его бывший студент и первый «официальный» биограф Л. Э. Боровский (1740-1832):

«Кант, который охотно оставлял всё на волю случая; который так мало искал меценатов, что ему даже не было известно имя тогдашнего верховного куратора прусских университетов; который не писал в Берлин, не посвящал свои труды своим возможным покровителям, говоря коротко, который считал недостойным всякий окольный путь, коим он смог бы вытеснить другого, оставался совершенно спокойным в своём положении и действовал далее посредством лекций и сочинений.»

*

Летом 1759 года Кант вновь теснее вступил в контакт с другим значимым кёнигсбергерцем, Й. Г. Гаманом, который был на шесть лет моложе его. Оба учёных встречались уже раньше – а именно, в физико-теологическом обществе, основанном Й. Х. Беренсом (1729 - 1792), сыном рижского купца, Линднером и другими в 1748 году (или раньше?). Студенческий друг Гамана, ставший позднее его покровителем, Беренс хотел с помощью Канта вернуть Гамана, запутавшегося на его взгляд в религиозном энтузиазме («Обращение к Христу») и суевериях, к идеалам космополитизма и Просвещения. Усилия обоих, в конечном счёте, остались без результата. Кант в этой связи даже пытается побудить Гамана, чтобы тот перевёл статью из известной *Энциклопедии* французского писателя Дени Дидро (1713 - 1784), чтобы таким образом привести его к более свободным и раскованным идеям – напрасно!

В аналогичном направлении Кант действовал, когда заботился о Гамане в конце 1759 года: это было предложение написать вместе с ним, Гаманом, учебник физики для детей. Хотел ли он, автор значительного и замеченного всеми труда *Общее естествознание и теория неба* (1755 г.), способствовать с помощью естественнонаучного школьного учебника для молодёжи на основе просвещённой педагогики передать им знания «реалий»? Проистекала ли просьба Гаману о сотрудничестве также из опасений Канта, что ему потребуется помощь в вопросах практической педагогики и дидактики?

Единственные источники по теме учебника *Детская физика* – это три письма Гамана Канту и одно приложение. В них Гаман полемически-иронично и почти оскорбительно атакует своего друга и соперника Канта. Он прямо подвергает сомнению, что Кант, за мыслью которого даже студенты едва могли уследить на его лекциях, мог представить себя на месте детей и снизить до их слабостей. По его мнению, для такого предприятия как-никак необходимы

« ... превосходные знания мира детей, которые нельзя приобрести ни в галантном, ни в академическом мире.»

Кант, по словам Гамана, мог бы проверить на себе, есть ли сердце у него, автора наивно-го, глупого и пошлого природного учения. Полемически он вызывает его словами Горация: *Vale et sapere aude* (Здравствуй и решишь быть мудрым).

Рассуждения Гамана по содержанию и основам детского учебника физики выходили за рамки педагогически-дидактических рефлексий: он рекомендовал Канту

«поездить верхом на деревянной лошадке из ветхозаветной сказки ... и с помощью понятий об истоках природы, которыми владеет каждый христианский ребёнок,

обучать физике. Он сделал конкретные предложения по объектам для занятий (свет, огонь, воздушные явления, вода, Солнце, Луна, звезды, животные и «о человеке и обществе»).

Для Гамана, в конечном счёте, было важно, чтобы основой уроков стала библейская история сотворения мира из Книги Бытия. Однако, это очевидно находилось в непримиримом противоречии с намерениями Канта – академического преподавателя географии и математической физики, а именно: чисто механистически, в духе Просвещения, объяснить молодёжи мир и фундаментальные основы естествознания согласно ньютоновских принципов.

Поэтому дело до написания *Детской физики* никогда не дошло. Кант, о котором говорили, что у него и без того основательная антипатия к эпистолярному жанру, не занял определённой позиции относительно писем Гамана – что сам Гаман воспринял как «оскорбление».

*

В своём втором сочинении, *Попытке нескольких соображений об оптимизме*, Кант общал о своих лекциях на зимнее полугодие 1759/60 г.г.

Источником идеи для этой лекции могло стать философское призовое задание от Берлинской Академии Наук от 1755 года («Исследование системы Александра Поупа [1688 – 1744], содержащееся в утверждении *Tout est bien*»).

Что касается содержания, то Кант в своём сочинении оспорил предположение, что «безусловное усмотрение» Бога может предпочесть более плохое лучшему. Он защищает своё воззрение, что Бог, если бы он стоял перед выбором, выбрал бы только наилучшее. Если Бог

«выбрал только этот мир среди всех возможных, которые он знал, то он должен был считать его лучшим, и так как его суждение всегда правильно, то он и является таковым также и в действительности.»

Кант, следовательно, пытался тем самым доказать, что на самом деле существует один возможный мир, помимо которого невозможно представить никакого лучшего мира. Он по существу атаковал позицию, которую представлял Крузиус, а именно – вопреки Лейбницу – единство откровения и разума.

Сочинение об оптимизме зародило научный мировоззренческий спор между Кантом и его коллегой и соперником по университету Даниэлем Вайманом (1732-1795), который продолжался несколько лет в основном в форме полемики. Вайман был вместе со многими другими в университете страстным сторонником учения Крузиуса. У него было также примечательно большое количество приверженцев среди студентов. Среди них был 21-летний русский лейтенант Андрей Болотов (1738 - 1833), который работал писарем и переводчиком в канцелярии губернатора. Болотов, по его словам, пришёл с помощью пиетиста Ваймана к «новой и много лучшей и превосходной» философии Крузиуса. Возможно, это стало причиной того, что Болотов вообще не упоминает магистра Канта в своих весьма жизненных записках о своём пребывании в Кёнигсберге.

Написанную Вайманом во соискание степени магистра *Dissertatio Philosophica de mundo non optimo* Кант свысока назвал «довольно беспорядочной и непонятной диссертацией вопреки оптимизму». У Канта не было склонности опускаться до кулачного боя с «циклопом» и он предпочитал «отвечать самым приличным образом, а именно молчанием».

*

Кант по просьбе своего гофмейстера в связи со смертью (туберкулёз!) 21-летнего куршского студента Й. Ф. фон Функа (1738 - 1760) написал письмо утешения убитой горем матери (6 июня 1760 года):

В нём Кант в качестве *«преподавателя всемирной мудрости в академии Кёнигсберга»*, как он сам себя охарактеризовал, не только проникновенными словами высоко оценил умершего юношу. Он затронул в письме и общие мысли о смысле жизни. Собственные планы, способности, супружеское счастье, развлечения и предприятия, на взгляд Канта, это – лишь грёзы. Всё же, наша истинная судьба ведёт нас совсем другими путями. Жребий, который нам на самом деле выпадает, лишь изредка похож на тот, что мы себе предполагали. При каждом шаге, который мы совершаем, мы разочаровываемся в наших ожиданиях. Меж тем, воображение продолжает следовать своему делу и неутомимо рисует нам новые проекты, пока смерть, кажущаяся нам далёкой, внезапно не определит конец всей этой игре. Печаль в нашем сердце произносит то, что когда-то с таким большим одобрением воспринималось на одном из собраний римлян, ибо соответствует и нашему общему восприятию:

Я – человек, и что случается с людьми, может коснуться и меня.

Кёнигсберг снова становится прусским

5 января 1762 года умерла императрица Елизавета – *«Это первый луч солнца, который нам светит»* писал Фридрих II несколько недель спустя. И:

«С тех пор как смерть закопала некую беспутную бабу, наше положение стало намного сноснее, чем оно было до сих пор!»

Племянник Елизаветы, Пётр III, взошёл на трон, что приветствовалось в Восточной Пруссии и связывалось с обоснованными ожиданиями. Фридрих приказал срочно освободить русских военнопленных. Новый кёнигсбергский губернатор Панин, человек с

нескрываемо враждебным отношением к Пруссии, объявил в провинции повсеместный траур с ежедневным звоном во все колокола.

16 марта в Штаргарде Фридрих II договорился о перемирии с царём Петром, его пламенным поклонником, «напыщенным прусским прапорщиком» (фон Гиппель). 5 мая последовал мирный договор, заключённый в Санкт-Петербурге. Провозглашение мира состоялось в Кёнигсберге 5 июля при большом воодушевлении и участии населения. Газеты вновь вышли в предыдущем оформлении с одноглавым прусским орлом, в частности, «Королевская привилегированная Прусская газета о государстве, войне и мире».

Русская охрана на городских воротах была заменена реорганизованными кёнигсбергскими вооружёнными отрядами горожан. На ратуше, на монетном дворе и на почтамте снова были помещены увенчанные королевские орлы. 9 июля в Кёнигсберг вернулись провинциальное правительство и представители министерства бюджета. Последовали многочисленные праздничные мероприятия и пушечные салюты, корабли в Пиллау были украшены прусскими флагами. Улицы были полны ликующих масс. Даже университет пригласил на латинском языке на торжественный *actus publicus*, и на нём было продекламировано праздничное стихотворение. В замковой церкви и в соборе состоялись богослужения. Пёстрые фейерверки следовали один за другим.

Несколькими днями раньше в далёком Санкт-Петербурге Екатерина, супруга Петра III, спланировала тайный заговор с помощью своего любовника, графа Григория Орлова, и добилась свержения нелюбимого царя. Он был заключён в тюрьму и задушен 7 июля 1762 года. Его вдова взшла на императорский трон уже как Екатерина II. Вслед за этим заключённый Петром III Санкт-Петербургский мир был аннулирован, провинция Пруссия снова оказалась под российской короной. Прусские государственные регалии снова исчезли с общественных зданий. Одним словом: всё стало снова по-прежнему, как во времена при императрице Елизавете.

Однако, затем – по нескольким причинам – Екатерина II окончательно отказывается от того, чтобы на долгий срок овладеть захваченной Восточной Пруссией. Заключенный между Петром III и Фридрихом II договор просто был ратифицирован. В «Прокламации» губернатора Воейкова 26 июля 1762 года население вновь было поставлено в известность, что королевство Пруссия теперь «предоставляется к свободной диспозиции» Фридриха II. Это было последним официальным актом русского губернатора в Восточной Пруссии. Уже в тот же день из Берлина при большом скоплении ликующего населения в Кёнигсберг прибыл престарелый фельдмаршал фон Левальдт.

Видимые знаки русского господства были устранены. Только вывод русских императорских войск происходил очень медленно. Поэтому полное освобождение провинции осуществилось только в середине сентября 1762 г.

*

И что делает Кант?

Он готовился к зимнему семестру 1762 г. и написал небольшую статью как объявление о своих лекциях по логике с заголовком

Ошибочная изошрённость четырёх силлогистических фигур

Здесь Кант вводил читателя в общую природу «разумного заключения» (силлогизма) и объяснил основные правила всех разумных заключений.

Он остро свёл счёты с уходящей корнями к Аристотелю теорией «силлогистики» (учение о четырёх «фигурах» логических выводов), с этим *«беспольным хламом»*. Традиционная логика казалась ему неподходящей, поскольку она считает, что может черпать познания только на основании понятий, суждений и выводов.

«В действительности, если когда-нибудь на полностью бесполезную вещь и было применено большое количество остроумия и растрачено большое количество мнимой эрудиции, то это тот случай.»

Однако, Кант не верил – и в этом отношении он не был далёк от истины – что «работой нескольких часов» сможет превратить в развалины стоящие на глиняных ногах концепции своего времени («гигантов»). Тем не менее, изошрённость силлогистики – как он иронично замечал – была бы в этом отношении пригодна, чтобы

«обскакать неосмотрительного в учёном споре ... то искусство, которое в иных случаях, пожалуй, может быть весьма полезно, но не особенно способствует истине.»

*

Удивительно, что в Кантовских сочинениях и письмах во время русской оккупации нигде не идёт речь о политических неурядицах и военных столкновениях. Кант, который всегда интересовался текущими событиями и с интересом читал доступные кёнигсбержцам газеты, только в единственном месте сожалел, что

во время, когда яростная война открывает засовы чёрной пропасти, выпуская все напасти на род человеческий, привычный вид нужды и смерти, пожалуй, вселяет холодное безразличие каждому, находящемуся под их угрозой. (июнь 1760 г.).

*

Ещё в то время как последние русские подразделения покидают Восточную Пруссию, в разгар лета в 1762 года, Кант получил для чтения от своего будущего арендодателя и издателя, деятельного книготорговца Й. Й. Кантера (1738 - 1786), два самых важных труда франкоязычного философа и педагога Жан-Жака Руссо (1712 - 1778): роман о формировании личности *«Émile»* (*«Эмиль или О воспитании»*) и *«Du contract social ou Principes du droit politique»* (*«Об общественном договоре или принципах государственного права»*). Оба труда вызвали страстное негодование и осуждение во Франции и были запрещены. В Париже и Женеве эти книги сжигались на костре!

Что будет делать Кант?